который онъ усмотрѣлъ въ словахъ Спасителя, не только внѣшне, но и *внутренно* непріемлемъ, въ силу своей неудовлетворительности и противорѣчивости,—не слѣдуетъ ли отсюда, что Толстой остался просто глухъ къ Откровенію объ индивидуальномъ безсмертіи? Если бы мы взялись разбирать толкованіе Толстого чисто филологически, передъ нами бы вскрылась изумительная неосторожность и предвзятость его. Свѣдующіе въ филологіи люди, читая толкованія Толстого, могутъ лишь разводить руками: до того необоснованы у него его отрицанія установившагося пониманія словъ Спасителя!

Я полагаю, что и такая работа не была бы лишней, особенно при распространенномъ у насъ отсутствіи свѣдѣній о сущности филологическаго метода, но я думаю, для широкой интеллигенціи Толстой былъ близокъ не въ своихъ толкованіяхъ Евангелія, а въ своемъ собственномъ ученіи. Правда о Евангеліи, увы, мало трогаетъ нашу интеллигенцію,—и въ Толстомъ ее захватилъ не толкователь ученія Христа, а живой, проникновенный проповѣдникъ той религіозной правды, которую онъ пережилъ въ своемъ мистическомъ опытѣ. Вотъ почему разборомъ внутренняго опыта Толстого, анализомъ того, какъ *у него* ставилась проблема безсмертія, я и ограничилъ свою статью.

Я не сужу Толстого за его неудачныя попытки пуститься въ чуждую ему область филологіи и экзегезиса; наоборотъ, я готовъ преклониться передъ той работой, которую онъ продѣлалъ. Я понимаю и то, что онъ не усвоилъ ученія Христа, не принялъ въ себя благой вѣсти о воскресеніи; мнѣ дорога религіозная жизнь Толстого такой, какой она была, дорого чувствовать въ немъ то же, что и въ другихъ религіозныхъ людяхъ — тихое чувство сыновняго довѣрія къ Отцу Небесному, стойкое служеніе религіозной правдѣ. Но мнѣ грустно, невыразимо грустно думать, что эта могучая душа поддалась соблазну индивидуализма и отреклась отъ своей матери — Церкви, что она съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія, старалась разрушить то, что ее самое напитало.

Толстой думалъ, что онъ возсоздавалъ христіанство. — но онъ его и разрушалъ. Прости ему, Господи! И когда я думаю, что Толстой выросъ въ родной, безконечно дорогой мнѣ атмосферѣ